

## ОБЪЕКТИВНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

---

*Аннотация:* Статья показывает специфику предмета истории и, как следствие этого, специфику и историчность содержания понятия «объективность». Даны причины и примеры отступления от принципа объективности, что ведет к фальсификации истории.

*Ключевые слова:* история, историзм, принцип объективности.

*Об авторе:* Блосфельд Евгения Григорьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения, Волгоградский Государственный социально-педагогический университет. 400026 Волгоград, ул. Доценко, д. 39, кв.14, [elena-karilena@bk.ru](mailto:elena-karilena@bk.ru)

---

Вопрос об объективности, пожалуй, самый актуальный и дискутируемый в исторической науке. Возможно ли сочетание принципа объективности и принципа историзма? Вопрос упирается в проблему специфики исторической науки, когда историк не может быть исключен из социокультурной ситуации своего времени, не может давать картину исторического прошлого и анализировать его с позиции «небожителя», находящегося вне интересов, «страстей» своего общества.

Именно это и вызывает до сих пор постоянный спор о возможности дать объективную картину прошлого. Основоположник так называемого «постмодернизма» в исторической науке Х. Уайт в своей книге «Метаистория» посчитал, что Ф. Ницше и К. Маркс, поставив проблему социокультурной обусловленности и историчности самого содержания объективности в историческом исследовании, стали провозвестниками кризиса самого историзма [7 с. 286]. Придя к выводу о невозможности объективного подхода к исследованию исторического прошлого, Х. Уайт и постмодернисты заявили об отсутствии объективной реальности исторического прошлого и отбросили принцип объективности как ничего не значащий критерий исторического исследования.

Среди ряда работ, так или иначе касающихся этого вопроса, отметим статью Н.И. Смоленского [6 с. 26-56], специально посвященную этой проблеме. В ней показано, как в процессе развития исторической мысли складывалось требование к объективности исторического исследования и понимание специфики исторического исследования – от Фукидида до XIX-XX вв., понимание того, что историческое сознание не просто отражение прошлого, что на историческое исследование накладывается современный опыт историка, и неизбежно субъективное восприятие свидетельств прошлого. Н.М. Смоленский показывает, как само понятие объективности становится все более сложным, отделяясь от понятия «достоверность». Тем самым автор фактически говорит читателю об историчности понятия «объективность» в историческом исследовании.

Четко очерчивая свою задачу, развертывая свое исследование в историческом ключе, он использует работы М.А. Барга о развитии исторических воззрений во времени и пространстве, прежде всего, его работу «Эпохи и идеи».

Утверждая, что история – это наука и может дать объективную картину прошлого, автор почему-то говорит только о различии методов достижения научной истины в исторических исследованиях и в так называемых «точных науках», не указывая и на различие самого предмета исследования. В своей статье, не претендуя на полноту, мы ставим скромную задачу отметить это и обратить внимание на причины необъективности в исторических исследованиях и публичных выступлениях. Из специфики предмета исторической науки проистекают многие причины искажения исторической картины и ее оценок.

Что такое объективность историка как исследователя? В четырехтомном словаре Д.Н. Ушакова одним из значений слова называется «беспристрастность». Мы не можем толковать объективность в этом смысле. Историк, да и любой представитель другой науки (математик, естествоиспытатель) не может быть беспристрастным, если он настоящий ученый. Объективность и беспристрастность не одно и то же.

Думаю, правильно здесь говорить о стремлении к истине, вечном двигателе науки, и в данном случае - к исторической истине, хотя понятно, что это идеал, ибо как недостижима абсолютная истина, так и историческая истина всегда относительна.

Полагаю, что именно этим стремлением было продиктовано обращение М.А.Барга, которому посвящены наши чтения, к цивилизационному подходу в историческом исследовании [2]. В соединении вариативности развития (цивилизация) и общего пути, по которому прошли и пройдут все народы (формационная теория К.Маркса), в соединении линейности и цикличности М.А.Бург стремился найти более объективное и истинное отражение исторического развития<sup>1</sup>, вписав по сути дела социально-экономическую формацию в рамки различных цивилизаций. При этом его понимание цивилизации было наиболее близко пониманию цивилизации Ф. Бродецем.

Но сложность и специфика исторической науки, а, следовательно, и объективности отражения прошлого в том, что прошлое можно себя лишь представить по его остаткам (документам, высказываниям, предметам искусства, археологическим находкам, в том числе развалинам древних городов и сооружений и т.д.), и здесь надо включить воображение (что, впрочем, и в негуманитарных науках не исключено).

Другая сложность и специфика предмета изучения истории в том, что историк исследует общественную жизнь, а это очень подвижная материя, изменяющаяся быстрее, чем материя, исследуемая в других науках.

Предметом исследования историка является деятельность людей, объединенных разнообразными связями, движи-

---

<sup>1</sup> Мы здесь оставляем за скобками ввиду предмета данной статьи, что К. Маркс никогда не исключал, а наоборот, подчеркивал вариативность развития, и не представлял формационную схему как чисто линейную, имея в виду спиралеобразную форму, включающую в себя и цикличность. Очевидно, ограниченный объем статьи в журнале вынудил М.А. Барга несколько сдуть свою аргументацию

мых совершенно разными мотивами, враждующих или дружащих, и сам историк тоже варится в таком котле, но лишь в другое время.

Данные всех наук устаревают, и они меняются ( все сегодня знают, что нет неделимого атома, что мир состоит из бесконечного множества делимых частиц) по мере нарастания знаний и совершенствования научного инструментария. С этой точки зрения история не отличается от других наук, но в ней эти изменения происходят быстрее.

И в этом смысле объективность исторического исследования тоже должна рассматриваться в историческом измерении. Она не постоянна, и, как писал Ф.Бродель, «нет книг, написанных раз и навсегда» [3 с. 122].

Объективность историка зависит от наличия источников. Чем их больше, тем обеспеченнее объективность результатов исследования, приближение к истине. Мы не имеем ввиду, что историк должен использовать все безбрежное количество источников (новейшая история превращает это в дополнительную трудность для историка: надо отобрать их). Мы имеем в виду, что историк может отобрать достаточное количество материала, дабы дать объективную картину прошлого, вопрос упирается только в сам принцип отбора источников.

Недостаточные знания об историческом прошлом не означают, однако, сами по себе отсутствие у историка стремления объективно представить картину прошлых эпох, хотя в значительной мере именно поэтому и приходится все время «переписывать» историю.

Историческая наука, сталкиваясь с невозможностью с помощью старых методов объяснить новые явления, ввести историческое прошлое в общий исторический контекст, вырабатывает новые методологии, с этим связаны неоднократные кризисы исторической науки. Выработанные ранее и используемые другими науками методы (общенаучные) совершенно специфично используются в исторической науке.

Рассмотрение исторического процесса с точки зрения цивилизационного или формационного подходов приведет к разным выводам и даст разные картины исторического прошлого, а она была в реальности одна. И оба подхода, имея право на существование, не дадут по отдельности полной картины реальности прошлого.

Объективность историка зависит не только от уровня методологии науки и базы источников, но и от стремления историка использовать их во всей полноте, от умения и желания (а это уже моральная сторона) вчитаться в контекст эпохи, изучить каждое явление в конкретных обстоятельствах той эпохи, а не изолированно. Представить события и явления не с точки зрения абстрактного идеала справедливости и морали, а именно в конкретных обстоятельствах. Каждая историческая закономерность действует специфично в сфере этих обстоятельств, которые диктуют мотивы людей (и сверху, и снизу), действующих в то время. И именно исторические аналогии, которые, несмотря на видимый калейдоскоп событий и явлений, необъяснимый как будто хаос, высвечивают необходимость для историка отказаться от догм и, поставить себя как человека другой эпохи в ситуацию прошлого, вооружившись всеми необходимыми источниками. Интересно, в этом отношении замечание историка А.З.Манфреда: «Порою рассматривая бурные события эпохи, «снизу» и одновременно «сверху», с той вышки, на которую ход событий поставил того или иного человека, вы начинаете лучше понимать содержание эпохи» [5 с. 29].

Увлечение «новизной» «революционностью» неких выводов и оценок, их противоположностью прежним, представляющихся догматизмом, может в свою очередь очень быстро превратиться в новые догмы.

Так, например, в недавнее время такой догмой стало определение советского общества и государства как тоталитарного на протяжении всего советского периода.

Впрочем, толкования событий, явлений могут быть разные (это тоже зависит от исторического опыта исследователя),

но сами факты и их связь должны быть установлены в соответствии с добросовестным использованием и анализом разнообразных источников.

Не может быть объективным толкование, если оно не учитывает различия условий, основных взглядов, обычаев прошлого и настоящего - это приведет к модернизации исторического прошлого, к фальсификации исторической истины. Толкование и оценки должны быть аргументированы, разъяснены, в случае дискуссионности вопроса должны быть представлены различные точки зрения.

Добросовестный и компетентный историк не будет перечислять бесчинства крестьян во время Жакерии или говорить об их благородстве, не будет говорить о бесчинствах «белых» и «красных» в период Гражданской войны в России: отметив эти факты, он покажет великую трагедию народа во всей ее страшной противоречивости и многообразии. Возможно, он укажет даже источники, свидетельства с одной и с противоположной стороны, которые он использовал для соответствующих выводов. Можно говорить о Парижской Коммуне как о прообразе государства диктатуры пролетариата, а можно считать ее на основе состава и ограниченности территории ее власти возрождением старого коммунального самоуправления, но необходимо аргументировать свою позицию, как и противоположную, на основе источников.

Объективность исторического исследования очень тесно связана с историческим сознанием общества. Характер, уровень общественного сознания очень влияет на восприятие исторических событий, что ведет к их модернизации. Связь эта обоюдная. Интерес к истории в обществе никогда не утихал.

Где-то в самом конце 80-х годов на моей лекции о Национальной войне испанского народа очень многие студенты с откровенным недоверием отнеслись к факту добровольной помощи интернационалистов республиканцам в Испании. Не очень-то верили они и тому, что во время Великой Отечественной войны в военкоматы стояли очереди добровольцев с заявления-

ми об отправке их на фронт. Они считали все это пропагандой. Они не могли представить настроений людей того времени и представить себя на их месте.

К сожалению, многие историки сегодня сходно реагируют на ряд событий нашего прошлого по причине политической конъюнктуры или каким-то другим причинам, связанным опять же с политическими событиями.

Дело в том, что история (историописание), хотим мы этого или нет, всегда была тесно связана с политикой. Начиная с появления исторических хроник и летописей, она была политизирована, хотя сегодня мы слышим и читаем о необходимости ликвидировать политизированность истории.

При этом в наших публикациях, СМИ, да и в историографии стало модно говорить о политизированности советской историографии и не замечать аналогичное явление в зарубежной.

Однако никто не живет в башне из слоновой кости, никто не может быть вне политики, и тем более историк, если он активный член общества. В этом безусловное отличие истории от других – «точных» и естественных наук. Сюда включается опять же моральная сторона.

И в этом сложность и одновременно испытание честности подхода историка к исследованию, его намерения объективно показать прошлое. Он должен выявить политизированность или политическую ангажированность в источниках, не претендуя в то же время на отсутствие своей позиции.

Но в связи с этим под угрозой искажения и фальсификации оказывается в большей степени или современность, или сравнительно недавнее прошлое. Политики стараются использовать историю в своих интересах, не всегда заботясь о правдивости и объективности фактов в чем им, к сожалению, помогают недобросовестные историки.

Более всего в свете сегодняшней политической атмосферы достается событиям и людям, связанным с Октябрьской революцией и Гражданской войной, истории советского периода,

Великой Отечественной войны как важнейшей главы Второй Мировой войны.

Сегодня, например, стало просто нехорошим тоном говорить о заслугах И.В. Сталина. Кроме репрессий и ошибок с ним ничего не ассоциируется. Все успехи Советского Союза (бесспорные и всеми признанные) как будто были достигнуты без него. Победа в Великой Отечественной войне, огромный авторитет нашей страны в мире и результате Второй мировой войны - все это как будто было достигнуто без него. Это проявляется и в наших парадах в день Победы.

Много говорят о несправедливости депортации народов, но разве эти, безусловно, трагические события в истории народов, совершенно не были мотивированы? А было ли у Советского Союза время на детальные разбирательства?

Кстати, депортации народов в гораздо менее сложных условиях, чем оказался тогда СССР, были в других странах и в то же время, в частности, японцев в США после Перл-Харбора, о чем историки не очень-то распространяются, а между тем, необходимость этой меры там была слабо мотивирована.

Методологически обоснованно, на мой взгляд, ситуация с оценкой политики И.В. Сталина накануне и в период Второй мировой войны дана в статье крупного отечественного философа и социолога А.А Зиновьева [4 с. 14-15], антисталиниста до 50-х гг. XX в., как он сам себя называл. Поставив внутреннюю политику СССР в контекст международных условий того времени и мысленно себя на место Сталина, он оправдывает в целом эту политику, так же, как и действия СССР на международной арене, доказывая, что они были в интересах советского государства и советского народа, несмотря на ряд трагических ошибок и просчетов, от которых никто не может быть застрахован, несмотря на несправедливости репрессий во многих конкретных случаях.

К сожалению, порой наши историки, ориентируясь часто лишь на западные источники, в угоду конъюнктуре объявляют все наши официальные документы пропагандой, почему-то по-

лагая, что эта пропаганда не отвечает реальным фактам, или, наоборот, что западные документы не являются пропагандой.

Так, например, некоторые из них стараются показать (вопреки официальной пропаганде), какие насилия и бесчинства творили наши солдаты и офицеры в Восточной Пруссии, при этом свидетельства очевидцев – участников Великой Отечественной войны и боев в Восточной Пруссии пренебрегают, очевидно, считая их заинтересованными лицами. У меня отец участник взятия Кенигсберга, он ничего подобного не говорил. Я была знакома с его товарищами-однополчанами, с некоторыми другими участниками на этом направлении боев. Все они утверждали, что ничего подобного не видели.

Очевидцы, участники этих боев пишут, что такие случаи были в основном в новых пополнениях, которые, формировались за счет населения из бывших оккупированных территорий (причины их поведения вполне объяснимы). Все эти случаи пресекались командованием.

Эти примеры свидетельствуют о том, как в погоне за сенсацией вырываются отдельные события и явления, обобщаются и даже, смакуются, что в общем, далеко от объективности. При этом никто не говорит о безобразиях в западном секторе. На место одних «перекосов» приходят новые.

Как мы уже отметили, объективность историка, в отличие от других наук, проявляется в условиях двойной субъективности (субъективность предмета исследования, где люди в обществе вступают в многообразные связи и отношения между собой в качестве этих субъектов, и субъективность историка, исследующего прошлое). Это делает не только более сложным достижение историком объективности картины прошлого, его приближение к истине, но и явно отличает в этом историка от представителей естественных наук.

В работу историка включается и моральная сфера, в частности, совесть самого историка, которая обычно нейтральна в естественных науках.

Вот, к примеру, в дни 70-й годовщины ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в одной из передач программы «Истории из истории» на «Радио России» ведущий высказал мнение, что разгром квантунской армии советскими войсками ввиду этих бомбардировок был не нужен: советские войска понесли новые жертвы, а Япония и так бы сдалась. Что же касается бесчеловечности этих бомбардировок, то он сказал, что ведь тогда никто не знал о последствиях атомного взрыва. И это говорилось в то время, когда по всей Японии были дни скорби о жертвах Хиросимы и Нагасаки, где было массово истреблено мирное население. С одной стороны, мазнул по советскому («негуманному») правительству и военному руководству, с другой, подыграл США! Тут не то что объективность, а просто кощунство.

Говоря о вкладе союзников в победу над фашизмом, почему-то сейчас стыдливо умалчивают о варварской бомбардировке Дрездена - города музея, где пострадали мирное население, интернированные и памятники искусства, где не было ни военных соединений, ни военных объектов.

В то же время, историческая наука, как и другие, может претендовать на объективность исследования, хотя она имеет ряд особенностей в связи с самим предметом исследования. Но при определенных условиях.

Объективность изображения исторического прошлого требует опровержения неверных фактов и их однобоких толкований, что вряд ли делается в естественных науках (хотя бывает и здесь: вспомним трагический путь утверждения гелиоцентрической системы на месте птолемеевой геоцентрической).

Сегодня перед историками стоит задача дать объективную и правдивую историческую картину прошлого, дабы защитить и историческую науку, и историческую память — память о павших за свободу и социальную справедливость, за победу над фашизмом, восстановить историческую правду об отношениях Украины и России, о складывании самой территории России и т.п. Это долг историка, объективность которого возможна и

научна, как в других науках, но имеет историческое измерение: вне истории она быть не может.

### *Литература*

1. *Барг М.А.* 1987: Эпохи и идеи. М.
2. *Барг М.А.* 1991: Цивилизационный подход к истории // Коммунист. № 3, 27-35.
3. *Бродель Ф.* 1993: Динамика капитализма. Смоленск.
4. *Зиновьев А.А.* 2005: Моя эпоха// Свободная мысль – XXI, № 5, 12-23.
5. *Манфред А.З.* 1974: Три портрета эпохи Великой Французской революции, М.
6. *Смоленский Н.И.* 2004: Проблема объективности исторического познания // Новая и новейшая история, № 6, 26-56.
7. *White H.* 1975: Metahistory: the Historical Imagination in Nineteenth Century Europe. Baltimore, London.